

Запрет на вмешательство

Макс Глебов

Асимметричный ответ

«Автор»

2020

Глебов М. А.

Асимметричный ответ / М. А. Глебов — «Автор»,
2020 — (Запрет на вмешательство)

ISBN 978-5-519-73154-6

Окруженные под Москвой немецкие армии не собираются сдаваться. Снабжение войск в Московском котле обеспечивает люфтваффе с помощью транспортных самолетов. Для спасения группы армий «Центр» генералы вермахта собирают силы и готовят деблокирующий удар с применением химического оружия. В этих условиях подполковник Нагулин получает приказ пресечь снабжение немцев по созданному Герингом «воздушному мосту». Пока Нагулин охотится на транспортные «юнкерсы», Абвер вновь расставляет ловушку на него самого.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	12
Глава 3	21
Глава 4	29
Глава 5	41
Глава 6	52
Глава 7	64
Глава 8	77
Глава 9	87
Глава 10	102
Глава 11	112

Макс Глебов

Асимметричный ответ

Глава 1

Маршал Шапошников выслушал меня, не перебивая, и еще почти минуту обдумывал услышанное. Я терпеливо ждал, понимая, насколько непросто начальнику генерального штаба поверить в полученную от меня информацию.

– Мы к такой войне не готовы, – наконец ответил маршал. – Ваше предположение звучит логично, но оно нуждается в проверке средствами разведки. На основании голой гипотезы такие решения не принимаются.

– Если применение немцами химического оружия произойдет внезапно, это деморализует наши войска, и вероятность деблокирования противником Московского котла резко повысится. Думаю, именно на этом и строится весь расчет немецкого генштаба. Товарищ маршал, времени у нас максимум две-три недели. Потом будет поздно. В конце концов, у нас есть разведчики, есть партизаны. Нужно поставить им конкретную задачу. Столь масштабную подготовку к химическому удару невозможно полностью скрыть. Рано или поздно мои слова будут подтверждены фактами, но может оказаться уже слишком поздно.

– Предлагаете начать подготовку к применению нашего химического оружия? Завозить на прифронтовые склады снаряды с ипритом и фосгеном? Снабженцы едва справляются со своевременным обеспечением войск обычными боеприпасами и продовольствием, а вы хотите забить наши коммуникации грузами, которые не факт, что вообще понадобятся.

– Не предлагаю, товарищ маршал. Я считаю химическое оружие варварским средством ведения войны, особенно в случае его использования против мирного населения. Я знаю, что в Первую мировую, да и в Гражданскую, оно достаточно широко применялось, но эта практика только укрепляет меня во мнении, что вменяемые люди никогда не станут пускать его в ход. Поэтому я считаю, что наши химвойска должны сосредоточиться на защите армии от химического оружия, а не на его ответном применении.

– Не понял, – Шапошников посмотрел на меня со смесью удивления и недоверия. – Вы что же, товарищ Нагулин, предлагаете терпеть химические удары противника и не отвечать?

– Отвечать мы обязательно будем, – я обозначил уголок губ легкую усмешку, – причем отвечать так, чтобы навсегда отбить у Гитлера мысль о дальнейшем применении отравляющих веществ. Но кто сказал, что наш ответ обязательно должен быть химическим?

– Поясните вашу мысль, подполковник.

– Химическое оружие обладает высокой метеозависимостью. Его эффективность сильно зависит от направления ветра, температуры и влажности воздуха и других погодных факторов, вроде дождя или снега. Кроме того, хорошо подготовленный солдат способен защититься от поражающих факторов химического боеприпаса, и даже гражданское население при принятии должных мер будет страдать от этого оружия меньше, чем от обычных бомб. Немцы это знают и наверняка тщательно готовятся уже сейчас, рассчитывая, что, когда наступит час «Ч», они окажутся в более выгодном положении по сравнению с нашими бойцами и командирами. Отвечать им химией нет никакого смысла – обычные боеприпасы сработают против немцев лучше. Кроме того, нам и без отравляющих веществ есть чем «обрадовать» противника.

– Я чего-то не знаю о содержимом наших арсеналов? – Шапошников слегка изогнул бровь.

– Это оружие пока не вышло из стадии экспериментов, товарищ маршал, но оно обладает настолько высоким боевым потенциалом, что есть смысл сосредоточить силы на скорейшем

доведении его до промышленных образцов. Я сейчас говорю о боеприпасах объемного взрыва и боевых термитных смесях.

– О термитных смесях я в курсе, – кивнул маршал. – Они используются в зажигательных бомбах и снарядах. Узкоспециализированные боеприпасы, никогда раньше не применявшиеся за пределами того ограниченного круга задач, для которых они и были созданы. А вот об объемном взрыве действительно слышу впервые.

– Я столкнулся с информацией об этих исследованиях в процессе создания гранатомета и боевой части для крылатой ракеты. Пришлось проработать большой массив специальной литературы по взрывчатым веществам. Наша промышленность, к сожалению, не в состоянии производить гексоген в достаточных количествах, и я искал варианты его замены.

– Нашли?

– В какой-то мере. После шести месяцев войны у нас назрел жесточайший дефицит взрывчатых веществ и порохов. Захват ряда заводов врагом и эвакуация промышленности только усугубили это положение. Группу армий «Центр» мы окружили, но сожгли почти все накопленные запасы снарядов и бомб. Теперь, когда немцы немного придут в себя, перегруппируются и предпримут попытку деблокады, не вполне ясно, чем мы будем отбиваться. Поэтому от идеи загружать новыми разработками существующие мощности я сразу отказался – они и так не справляются.

– Разумно, – согласно кивнул Шапошников.

– Как выяснилось, часть традиционных взрывчатых веществ можно заменить смесями, ранее не использовавшимися в снарядах и бомбах. Думаю, вам хорошо известно, что в угольных шахтах и на мукомольных заводах иногда происходят сильные взрывы с человеческими жертвами и значительными разрушениями. Детонирует висящая в воздухе взвесь мельчайшей пыли. Это и есть объемный взрыв. Мука и уголь, конечно, далеко не лучший выбор для боевого применения. Есть гораздо более эффективные компоненты. Например, окись этилена. Это вещество уже сейчас производится нашей химической промышленностью, пусть и не в очень большом количестве, однако, при необходимости, его выпуск может быть увеличен. Не буду утомлять вас подробностями, но я готов предложить конструкцию боеприпаса, основанного на этом принципе. При его разработке я уделил особое внимание технологичности производства. Конструкция оказалась относительно несложной и вряд ли вызовет затруднения при освоении в промышленности.

– В какой стадии находится эта разработка?

– Пока у меня есть только чертежи, товарищ маршал. Для максимально быстрого изготовления и испытания первых образцов нужно решение, которое поступит с самого верха.

– Товарищ Берия в курсе?

– Так точно. Наркомат внутренних дел оказал мне большую поддержку в процессе разработки проекта. Я получил беспрепятственный доступ к секретным разработкам закрытых конструкторских бюро, работающих под эгидой НКВД, и штат инженеров-конструкторов. Один бы я так быстро с этой задачей не справился.

– Ваш способ продвижения своих разработок нарушает все принятые в СССР нормы, – усмехнулся Шапошников, – но после боевого применения гранатометов все закрывают на это глаза. Отзывы от частей, куда уже поступили первые небольшие партии РГН-1, звучат единогласно: «Дайте еще и как можно больше!». Хорошо, с объемным взрывом я понял. Что по термиту?

– Термитные снаряды известны достаточно давно, как и смеси, идущие на их изготовление. В основном они используются в зажигательных боеприпасах, но пока они не проявили себя как универсальное оружие по одной очень важной причине – термитные снаряды не применялись по-настоящему массированно, когда эффект от их действия складывается. Температура горения смеси оксида железа, алюминиевой пудры и нитрата бария может превышать три

тысячи градусов. Одиночный термитный снаряд способен вызвать пожар, но если на относительно небольшую площадь упадет одновременно несколько десятков таких снарядов, врага не защитит ни броня, ни окопы, ни даже блиндажи – сгорит все. Вот только попадания должны покрывать всю площадь цели одновременно или с очень небольшой разницей во времени. Обычной артиллерией такого эффекта добиться сложно, но у нас есть, как минимум, два типа оружия, для которых термитная смесь подойдет наилучшим образом. Это «Катюши» и кассетные бомбы. По бомбам я, скажу честно, подготовить предложение не успел, а вот по реактивным снарядам для БМ-13 все оказалось лучше, чем я думал. В этом направлении уже многое было сделано до меня, так что мне пришлось лишь внести кое-какие правки и взять на себя ускорение процесса разработки и испытаний.

– И вы полагаете, этого будет достаточно для противостояния химической угрозе?

– Думаю, да. И термитное оружие, и боеприпасы объемного взрыва способны произвести на солдат противника сильное деморализующее действие. На самом деле, наладить по-настоящему массовый выпуск таких снарядов и бомб мы не сможем – промышленность к этому не готова, а накопленные запасы быстро иссякнут, но Гитлер ведь об этом не знает. Если наши войска покажут стойкость к химическим атакам и одновременно мы применим эти новые разработки, велик шанс, что при посредничестве нейтральных стран мы сможем договориться с немцами о прекращении применения ими боевых отравляющих веществ в обмен на наш отказ от термитных снарядов и объемно-детонирующих боеприпасов.

Шапошников в задумчивости подошел к карте, отражавшей текущую обстановку под Москвой. Огромный Московский котел за прошедшую неделю успел несколько сжаться. Несмотря на приказы Фюрера, немцы отходили от окраин советской столицы, стремясь уплотнить фронт и высвободить силы для предстоящего прорыва из окружения.

– Я озвучу ваши предложения на совещании Ставки, – наконец развернулся ко мне маршал. – Предположения о подготовке противником применения химического оружия все еще ничем не подкреплены, но то, что вы предлагаете, может иметь значительный эффект и без всякой угрозы химической атаки. Тем не менее, ваше мнение о необходимости всемерного усиления химзащиты войск я разделяю и буду настаивать на немедленном решении этого вопроса.

* * *

Настроение Рихтенгена никак нельзя было назвать приподнятым, но сегодня он, по крайней мере, мог сообщить начальству конкретные результаты аналитической работы, проведенной его группой, и это немного примирило полковника с мрачной действительностью.

– Герр генерал, разрешите!

– Проходите, полковник. Как ваши нервы? Не будете больше проситься на фронт?

– Благодарю, уже лучше. Интенсивная работа – лучшее лекарство от депрессии. А на фронт проситься буду, только в этот раз не командиром пехотного батальона, а все же в прежнем качестве, – Рихтенген обозначил на лице легкую улыбку.

– Да, вот теперь я вижу, что вы действительно в порядке, – усмехнулся генерал, – Слушаю вас, полковник.

– К настоящему моменту у нас накопился значительный объем данных по действиям русского стрелка в различных обстоятельствах, которые позволяют с достаточной точностью определить пределы его возможностей.

– Так все-таки стрелка или стрелков? – перебил подчиненного генерал.

– Стрелка. Пока только одного стрелка. Более детальный анализ повреждений, полученных нашими самолетами, показал, что второй снайпер Нагулину явно не ровня. Возможно, довольно способный ученик, но с самим стрелком он ни в какое сравнение не идет. Если исходить из скорострельности «панцербюксе-38» и опираться на показания выживших участни-

ков сражения, можно сделать вывод, что за время боя второй снайпер произвел около сорока выстрелов, допустив не менее восьмидесяти процентов промахов. Учитывая сложность целей, это отличный результат, но не более. Ничего сверхъестественного. Нагулин попал бы тридцать раз из сорока.

– Уже легче, – кивнул генерал. – Продолжайте.

– Так вот, вернемся к возможностям стрелка. Мы пришли к выводу, что при всей их необычности они все же имеют четкие границы. Практика показала, что стрелок, имеющий на вооружении крупнокалиберное автоматическое оружие, может уверенно противостоять атаке пяти-шести самолетов, да и то лишь в ситуации, когда они атакуют не непосредственно его, а другие цели. Если самолетов больше, защищаемые стрелком объекты начинают нести потери. Одновременный бомбовый удар двадцати Ju-87 стрелок сорвать не смог, даже несмотря на поддержку второго снайпера. Бомбардировщики успели сделать два захода и нанесли пехоте противника существенный урон. Думаю, если бы они атаковали не русские окопы, а самого Нагулина, результат для него был бы весьма печальным.

– Наконец-то я слышу что-то обнадеживающее, – произнес генерал, неспешно прохаживаясь по кабинету.

– Это еще не все. Трижды стрелок руководил действиями ночных бомбардировщиков. В районе Кременчуга он делал это с земли, и потом дважды управлял группами из десяти ТБ-7 и Ер-2 под Киевом и Вязьмой. Десять самолетов – его предел. Собрать группу большей численности он, конечно, может, но вот эффективно ими управлять – нет. Его группы в обоих случаях понесли существенные потери, даже когда ведомых было всего десять.

– Это были оправданные потери, – возразил генерал. – И под Киевом, и под Вязьмой достигнутый русскими результат не шел ни в какое сравнение с потерей нескольких тяжелых бомбардировщиков.

– Несомненно, – не стал спорить Рихтенгден, – но суть ведь не в этом. Главный вывод из сказанного состоит в том, что, делая ставку на новейшие достижения наших инженеров, мы упустили один простой, но важный нюанс – русский успешно борется с одиночными целями и неплохо справляется с несколькими противниками, даже если они являются нашими новейшими разработками, но эффективно действовать против большого числа обычных строевых машин, вроде «штурк», он просто не успевает.

– Предлагаете завалить Нагулина трупами, полковник? – с сомнением в голосе спросил генерал. Было видно, что он напряженно обдумывает полученную информацию, но пока к определенным выводам не пришел.

– Если быть предельно циничным, то можно сказать и так, – пожал плечами Рихтенгден. – Потери неизбежно будут высокими, но для уничтожения такого необычного противника это было бы слишком просто.

– Тогда в чем состоит ваша идея?

– Стрелок уже неделю практически никак себя не проявляет на фронте. Думаю, русские что-то готовят. Как вы думаете, герр генерал, что сейчас является нашей самой уязвимой точкой, ударив по которой можно существенно нарушить все наши планы?

– Воздушный мост, переброшенный люфтваффе в Московский котел, – не задумываясь, ответил генерал. – Рейхсмаршал Геринг смог прыгнуть выше собственной головы. На юге и под Ленинградом наши войска стонут от отсутствия эффективной поддержки с воздуха, но больше тысячи транспортных самолетов под плотным истребительным прикрытием бесперебойно доставляют грузы окруженным, и русская авиация ничего не может с этим поделать, хотя попытки были. К счастью, безуспешные. Противник потерял слишком много самолетов, поддерживая наступление своих танковых сил на Вязьму, и банально выдохся.

– Я пришел к аналогичному выводу, герр генерал, – кивнул Рихтенгден. – Думаю, именно здесь нам следует ожидать очередной атаки стрелка. Вот только он предпочитает совершать вылеты ночью, а воздушный мост действует днем.

– Возможны ночные удары по аэродромам. Такое в практике Нагулина уже было.

– К подобному развитию событий мы готовы, – возразил полковник, – аэродромы базирования транспортных самолетов отлично защищены, а сами транспортники на ночь рассредоточиваются и тщательно маскируются.

– И как, по вашему мнению, будет действовать Нагулин?

– Думаю, он будет управлять огнем с земли. Русские 85-миллиметровые зенитки 52-к способны вести огонь по воздушным целям на высоте до десяти километров, а наши транспортные «юнкеры» выше шести не поднимаются. Да и привлеченные к перевозкам грузов бомбардировщики «хейнкель» He-111 имеют практический потолок восемь тысяч метров. На этих высотах русским зенитчикам редко удастся попасть по нашим самолетам, но если за дело возьмется стрелок...

– Хорошо, допустим все так. Что дальше?

– А дальше все достаточно просто. Как только какая-то из групп наших транспортников попадет под аномально точный огонь с земли, нам станет ясно, где именно в данный момент находится стрелок. Один из истребителей прикрытия немедленно подаст условный сигнал ударной авиагруппе, которую нам предстоит срочно подготовить и держать в постоянной готовности к вылету. Как только ее командир получит сигнал, он поднимет свои машины и нанесет удар по позиции русских зениток, управляемых Нагулиным.

– Стрелок наверняка будет хорошо защищен, – возразил генерал. – Думаю, при первых же признаках атаки с воздуха он немедленно укроется в каком-нибудь надежном убежище. Уверен, для него русские постараются построить такой блиндаж, который возьмет разве что прямое попадание тяжелой бомбы. А есть ведь еще и вариант с управлением огнем по радио, как он это уже неоднократно делал.

– Зенитный огонь требует немедленной реакции на маневры самолетов. При использовании радио будут неизбежно возникать задержки, и эффективность стрельбы резко упадет. Уверен, что стрелок займет место наводчика одной из зениток или возглавит расчет прибора управления огнем зенитной батареи. Кроме того, я считаю, что при нашей атаке Нагулин не побежит в блиндаж, – усмехнулся Рихтенгден. – Хоть он и унтерменш, но ни разу не дал нам повода усомниться в своей смелости. Он не бросит товарищей и попытается отразить налет. Но даже если ему прикажут и силой эвакуируют в блиндаж, у нас есть средство сделать так, чтобы с этой позиции живым он не ушел.

– Опять какая-то новинка?

– Естественно. Без подобных сюрпризов рассчитывать на гарантированное уничтожение стрелка было бы слишком самонадеянно. Три года назад, в тридцать восьмом году, наши ученые при попытке создать новый мощный пестицид синтезировали вещество, перевернувшее наши представления о токсичных газах. Это фосфорорганическое соединение нервно-паралитического действия получило название «зарин». Его преимущество заключается в воздействии на человека не только через органы дыхания, но и через кожу. Защититься от зарина можно лишь с помощью полного защитного костюма, которого, я уверен, у Нагулина не будет. Промышленное производство этого газа еще не освоено нигде в мире, но, как я выяснил, с помощью экспериментальных установок нами уже наработано около двадцати килограммов зарина. Учитывая его исключительную токсичность, этого хватит для снаряжения нескольких десятков авиабомб, которые мы применим в комплексе с обычными фугасными и осколочными боеприпасами.

Генерал посмотрел на Рихтенгдена долгим взглядом, в котором читались смешанные чувства. Сама идея применения на войне отравляющих веществ была ему явно не по душе, но в

предложении полковника имелось рациональное зерно. Фюрер своим личным приказом санкционировал применение боевых газов, и теперь у Абвера в этом вопросе тоже были развязаны руки.

– Применив зарин против позиции русских зенитчиков, мы можем нарушить планы командования вермахта по нанесению внезапного химического удара по русским войскам, – выдвинул генерал свое последнее возражение.

– Думаю, это уже неважно. Переброска танковой группы Клейста под Вязьму практически завершена. До начала нашего наступления остались считанные дни. Русские просто не успеют ничего предпринять, даже если вовремя поймут, с чем имеют дело.

– Возможно, вы правы, но я не могу разрешить проведение подобной операции без согласования с адмиралом Канарисом и рейхсмаршалом Герингом. Вполне возможно, она потребует и личного одобрения Фюрера. Тем не менее, вам следует приступить к подготовке немедленно. С учетом всех тех проблем, которые стрелок нам уже успел создать, я уверен, что ваш план будет утвержден достаточно быстро и без существенных изменений.

* * *

– Товарищ Жуков, вы уверены, что противник действительно в состоянии организовать снабжение окруженных войск продовольствием и боеприпасами в достаточном объеме?

– Смотря что считать достаточным, товарищ Сталин. Грузов, доставляемых немцами по воздуху, безусловно, не хватит для поддержания боеспособности группы армий «Центр» в течение длительного времени. Однако, все мы понимаем, что противник готовит прорыв, и долго ждать немецкого наступления нам не придется. Продержаться на таком снабжении еще пару недель окруженные войска смогут, а дальше все будет зависеть от нашей способности отразить деблокирующий удар.

Сталин кивнул, бросил короткий взгляд на карту и повернулся к Шапошникову.

– Борис Михайлович, как вы оцениваете способность наших войск не допустить прорыва кольца окружения?

– Ситуация непростая, Иосиф Виссарионович. Мы слишком сильно выложились, замыкая котел и отражая контрудары противника. Численность дивизий просела до двух-трех тысяч человек. Танковые бригады потеряли до шестидесяти процентов боевых машин, а артиллерия испытывает недостаток снарядов. С авиацией, к сожалению, положение еще более сложное. Нам не просто не удалось поколебать немецкое господство в воздухе. После понесенных потерь соотношение сил еще больше сместилось в пользу противника. Тем не менее, пока на внешнем фронте окружения мы имеем достаточно устойчивое положение, и если противник ограничится ударом извне, шансы удержаться достаточно велики, однако сложно рассчитывать на то, что немцы внутри кольца будут вести себя пассивно. Пока люфтваффе доставляет им горючие и боеприпасы, не учитывать возможность их удара навстречу танкам Клейста мы не можем. Кроме того, – Шапошников слегка замялся, – есть еще одно обстоятельство. Пока это лишь выводы аналитиков, но я бы не стал ими пренебрегать.

– Продолжайте, Борис Михайлович, – чуть приподнял бровь Сталин, – мы с товарищами вас внимательно слушаем.

* * *

Полученный приказ мне не понравился. Пожалуй, впервые Ставка решила использовать мои возможности по собственной воле, а не по моей инициативе. Я прекрасно понимал, что выстроенный Герингом воздушный мост стал для товарища Сталина и его генералов костью в горле. В результате контрнаступления под Москвой Красная армия откусила настолько круп-